

МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 101.2

Чурюмов С. И.

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В статье рассматриваются некоторые негативные явления в науке и обсуждаются возможные варианты их оценки.

Ключевые слова: относительность определения науки; аксиоматическая база определения науки; лженаука, негативные процессы в науке.

Французские врачи лечили детей гормонами роста и считали, что действуют в соответствии с научными истинами, найденными научными методами, — они все делали коллегиально, но через семнадцать лет выяснилось, что «истины», в соответствии с которыми они действовали, были ошибочными, а дети, которых они лечили, все умерли. Это маленький эпизод из истории современной науки. Как такую ситуацию можно оценить? В какую научную категорию это можно отнести?

Европейская наука возникла и эволюционировала в противостоянии религиозному догматизму, реакционному противодействию официальной церкви и жестоких преследований с ее стороны. Ученых, открывавших правду о Вселенной, сажали в тюрьмы (Галилео Галилей), сжигали на кострах (Джордано Бруно) вырывали им языки (Ванино Ванини) — некуда от правды деться. И это совсем не потому, что в религии плохое учение, а поэтому, что им руководили такие же самые люди, которые потом делали революции, изменяли национальные элиты, устраивали холокосты, голодоморы, разрушали национальную экономику других стран и тому подобное. Когда же наука стала престижной отраслью общественной жизни, те же самые люди, что когда-то душили науку, начали использовать ее по собственному усмотрению. Теперь они через официальную власть уничтожали церкви и служителей Бога, силой насаждали атеизм, интригами, клеветой и доносами сживали со света настоящих ученых.

Религия и наука уже давно стали специфическими ветками власти, и официальная власть не может не считаться с ними, но между ними, так же как и между всеми другими ветвями власти, постоянно возникают противоречия и продолжается открытая или тайная борьба. Многое противоречий и в самой науке. Материалы о лженауке, что появились в последнее время в Интернете, нередко напоминают „крестовый поход против дьявола“, когда на первый план ставятся интересы отдельных групп ученых, а не общества в целом. В то же время авторы статей, специалисты в конкретной отрасли науки, не всегда учитывают современный уровень философии науки и используют устаревшие представления и терминологию для обсуждения истинностного статуса науки.

Чтобы обсуждать какое-то явление, его нужно определить. Сейчас в науке нет общепризнанного определения науки, что является одним из факторов произвольных трактовок этого понятия отдельными учеными. Будем исходить из того, что определение науки, чтобы быть научным, должно опираться на определенный аксиоматический базис. Все другие определения будут субъективными мнениями. Попытаемся, не надеясь на окончательное и совершенное решение этой проблемы, воспроизвести этот базис в соответствии с существующими литературными источниками.

Сейчас в науке, уже по умолчанию, считается, что общие черты науки определены работами и отношением к ней двух таких выдающихся ученых, какими были Декарт и Ньютона. Это обозначается как ньютоно-декартовская парадигма науки (НДП). Эти ученые наиболее четко сформулировали свое отношение к научному исследованию, но в становление этой парадигмы сделан большой вклад многими другими учеными и философами. Собственно, в соответствии с этой парадигмой работают ученые нормальной науки, но философы и теоретики науки считают, что эта парадигма в течение трех столетий значительно из-

менилась: прошла через философский позитивизм, модернизм и находится в фазе постмодернизма [14: 34]. Для нормального ученого это практически безразлично, поскольку ему нужно искать материал, который годится для разработки новейших технологий, а утонченные идеи философов только добавляют нюансы в возможные интерпретации.

В сжатом виде, в соответствии с существующими литературными источниками, НДП представлена ниже.

- 1) С онтологической точки зрения признается, что
 - a. Порядок природы является стабильным и универсальным, ум человека познает его при помощи устойчивых и универсальных категорий мышления;
 - b. Вещество инертно и принципиально отличается от сознания, которое является активным источником рациональной деятельности;
 - c. Сознание (Я) находится во внутреннем мире индивидуального тела людей.
- 2) В методологическом отношении принципами НДП науки являются следующие положения:
 - a. Наука занимается «общим», науки об индивидуальном не существует — это сфера заинтересованности гуманитарных исследований и искусства;
 - b. Общие положения (законы), которые открывают в естественных науках, инвариантны для всех и всегда;
 - c. В естественных науках эти общие положения могут иметь математическую representation, и в этот идеал должны двигаться и другие науки;
 - d. Наука отдает приоритет количественным и экспериментальным методам, научная трактовка — это, прежде всего, объяснение свойств целого на основании свойств его частей;
- 3) НДП допускает существование некоторых, пусть очень абстрактных социологических характеристик:
 - a. Наука нейтральна в социально-политическом плане, имеет собственные автономные цели и ценности, связанные с поисками истины;
 - b. Она морально и эмоционально нейтральна, в ней доминируют рациональные принципы и аргументы;
 - c. Субъект познания рассматривается как контрагент природы, который должен контролировать и подчинять себе ход ее процессов;
 - d. По отношению к обществу наука является формой деятельности специалистов и представляет собой специфический продукт научного сообщества.

Является ли вышеприведенный перечень полным и совершенным? Если признать это, то все гуманитарные направления исследований не подпадут под определение науки, а это, очевидно, недопустимо для научного сознания XXI столетия. Все же отметим, что понятия эмпирического подхода в естественных и гуманитарных науках могут очень сильно отличаться. Например, проведение физического или химического эксперимента, мягко говоря, имеет отличия от проведения оценки и установления содержания музыкального произведения. В первом случае объективные факторы более заметны, чем в другом. То же самое относится к разработке общественных теорий, психологическим обобщениям типа фрейдизма, к анализу культурных явлений и т. п.

В статье В. В. Калиниченко «Онтологические основания научного познания» [6] предлагается следующий перечень характеристик возможного альтернативного рассмотрения научности:

1. Порядок природы не является данным навсегда. Материя не инертна — ей свойственны источники собственного движения и активности, и ее нельзя отождествлять с пространственными измерениями, как это делал Декарт.
2. Разделение материального и идеального (сознания) относительно. Человек не только и не столько противостоит природе, сколько является ее имманентной частью. Он должен не руководить природой, а находиться с нею в других, например, диалогических отношениях.

3. Не существует единых для всех наук методов, возможны другие разновидности трактовок и объяснений, кроме редукции целого к его части.
4. Математическое знание не является универсальным языком и стандартом науки. Качественные, «понимающие» методы не менее важны.
5. Наука не может быть этично и политически нейтральной, она должна подчиняться примату гуманистических ценностей, быть ответственной перед обществом и его отдельными прослойками и группами.
6. Наука не обязательно должна быть специализированной. Ее могут развивать, например, такие группы общества, для которых познание не является основной целью деятельности. Наука может быть делом всего общества (неспециализированная «народная наука») или же, наоборот, личным делом отдельного человека в том смысле, что каждый вправе самостоятельно открывать законы природы и создавать собственную науку.

Этот перечень также можно дополнять, изменять, критиковать, но эти действия должны быть обоснованными. В этом перечне не просто понять, что значит „собственная наука отдельного человека“. В тоталитарном государстве такая деятельность преследовалась, но все равно существовала. Существуют ли объективные критерии для оценки такой науки? Неужели не может быть, чтобы человек открыл какие-то объективные истины, воспользовался ими на свое усмотрение и для собственной пользы и достиг цели, которую он предварительно поставил перед собой? Кстати, это может быть и высокоэффективная разрушительная деятельность, направленная против общества, как это имеет место в случае терроризма.

Учитывая приведенные характеристики, можно добавить к ним еще и другие при условии, что они будут разумными и целесообразными на современном этапе развития науки. Тогда мы получим еще один перечень, который также может быть неполным, но в первом чтении его можно принять или хотя бы рассмотреть.

1. Признание неисчерпаемости мира.
2. Объективность.
3. Возможность доказательства.
4. Возможность экспериментальной проверки.
5. Возможность воспроизведения научных результатов другими учеными.
6. Признание относительности деления на материальное и идеальное (сознание).
7. Опора на факты.
8. Опора на количественные и вычислительные методы.
9. Допустимость качественных, «понимающих» методов.
10. Признание возможности науки об уникальных объектах, которая бы опиралась на эмпирические факты.
11. Прагматичность и полезность.
12. Рациональность.
13. Новизна.
14. Этичность.
15. Гуманность.
16. Общечеловеческая значимость.
17. Признание того, что не существует единых для всех наук методов, возможны другие разновидности трактовок и объяснений, кроме редукции целого к его части.
18. Экологичность.
19. Соответствие наперед заданным требованиям.
20. Допустимость индивидуального научного поиска.
21. Допустимость «народных форм науки».
22. Признание результатов деятельности ученого научным сообществом.
23. Наличие научного подхода в развитии и руководстве наукой и тому подобное.

В связи с развитием холистических подходов в науке, многие из вышеприведенных «не картезианских» требований выглядят как приемлемые. Возможны и другие требования. Например, в официальной советской науке был действителен так называемый „принцип партийности» (он же в той или другой форме действовал в науке других тоталитарных режимов). И сейчас в науке сильно распространены последствия действия несформулированного и неотрефлексированного, но почти нескрываемого «принципа круговой поруки» и „принципа коррумпированности», в то же время факты указывают на то, что наука пока еще не способна преодолеть эти негативные явления, сколько бы не собирались официальных и неофициальных комитетов ведущих специалистов.

Отметим, что на разных этапах своего развития наука отвечает разным наборам возможных требований. Это дает основания считать понятие науки переменным и зависимым от многих факторов. Если кто-то будет настаивать на абстрактном тождестве науки самой себе, то пусть вспомнит, как академики «становятся по стойке смиренной» перед теми, от кого зависят их должности, и готовы поступиться истиной, когда они выступают перед народом, замалчивая искажая факты, как это было, например, во времена Чернобыльского геноцида. Сейчас нет оснований считать, что эти времена остались позади. А люди, которые приходят в науку, могут преследовать в первую очередь совсем не научные добродетели, а свое материальное и общественное положение. И вовсе не секрет, что сейчас наука в значительной мере коррумпирована. Поэтому очень трудно принимать на веру официальные заявления даже тех, кто считается в науке авторитетом и занимает высшие должности, а в результате установилась очень сложная ситуация в связи с понятием лженуки.

Научные звания всегда были лакомым куском и для честных и для бессовестных деятелей разных уровней, поэтому идет беспрецедентная борьба совсем не за истину в науке, а за влияние и деньги. Кому отадут деньги из бюджета? Кто уговорит спонсоров вложить деньги в сомнительный проект? За какую сумму можно купить научную должность? Сколько стоит кандидатская или докторская диссертация? Как же найти выход в сложном лабиринте отношений в науке и между наукой и обществом?

Давайте расширим круг понятий, которые относятся к определению науки. Если внимательно присмотреться к процессам, происходящим в науке и вокруг нее, то можно увидеть определенный широкий спектр довольно разных феноменов. Здесь можно говорить не только о науке и лженуке, но и о паранауке, псевдонауке, антинауке, квазинауке, протонауке, перинауке и тому подобное.

Дадим предварительные определения. **Нормальная наука** — это получение информации о законах природы и знаний, вытекающих из этой информации. Научная деятельность опирается на общественную традицию и использует интуитивные, логические, сенсорные и этические методы. Это делается с целью увеличения знания природы человечеством и использования полученных знаний для достижения практических результатов локального и глобального характера, направленных на выживание как отдельных подструктур человечества, так и всего человечества в целом.

Современная нормальная наука указанным требованиям не отвечает, но оценка этого очень субъективна и зависит от личной точки зрения ученого. Однако теперь уже ясно, что при советской власти многие институты Академии Наук годами не выдавали никакой полезной продукции, а лишь сочиняли диссертации, доказывавшие необходимость присвоения ученой степени и соответствующей зарплаты верным сторонникам марксизма-ленинизма обоего пола с кристально чистой рабоче-крестьянской анкетой. Ради этого «кристально чистые», не жалея своих сил и своих душ, клеймили «продажных девок империализма» и только после перестройки сами с удовольствием, то есть за соответствующее вознаграждение, стали такими девками, но уже «новыми русскими», независимо от национальности.

Лженука — это деятельность вокруг науки с сознательным манипулятивным использованием сложной научной, политической, религиозной, идеологической аргументации и риторики, направленной на достижение личных или корпоративных интересов, но с от-

кровенным или изящно замаскированным нарушением принципов научной методологии. Лженауку очень трудно отличить от псевдонауки, но, чтобы сделать это, будем считать, что лженаука — это сознательное мошенничество с использованием научной терминологии, а псевдонаука — это последствие искренних системных ошибок ученого. Лженаука может довольно легко маскироваться под официальную науку, срастаться с нею и создавать сложные информационные кентавры.

Псевдонаука — это информационные комплексы, которые имеют формальные признаки науки, но выводы из которых не выдерживают логической, методологической или экспериментальной проверки. Это сфера научных ошибок и бесперспективных блужданий. Но как только люди начинают сознательно использовать ошибочные результаты для достижения целей, связанных с самоутверждением собственного эгоизма, псевдонаука превращается в лженауку. Псевдонаучный результат, если он не превращается в способ введения других людей в заблуждение, может быть нейтральным, поисковым этапом в развитии науки, что-то вроде ментального эксперимента с использованием фантазии, а это сильно отличает этот инструмент от гипотезы, сформулированной в рамках имеющейся парадигмы.

Квазинаука — это формальная деятельность в научных учреждениях, положительная ценность которой приближается к нулю. Ученые могут писать диссертации, составлять многостраничные отчеты, ставить эксперименты, ездить на конференции и иностранные командировки, но общество от этого не будет иметь ничего, за исключением убытков. Эта деятельность может быть очень активной, бурной, самоуверенной, документально обоснованной, может пользоваться официальной поддержкой на высших уровнях власти, но объективно научно бессодержательной. Понятно, что это очень трудно доказать, потому что «все схвачено».

Антинаука — это антигуманская деятельность ученых, с использованием жестокости и садизма, а также всего, что может иметь своим прямым последствием уничтожение людей, или ухудшение их жизни. Эта разновидность науки становится очевидной, если принимается аксиома о человечности науки. Однако в настоящее время эта аксиома ни в одном государстве на Земле не принята. К антинауке нужно отнести участие ученых в проектах, направленных на агрессивные действия против других народов, на ухудшение их жизни, разрушение их национальных экономик и тому подобное. Но кто же может обвинить тех, кто разрабатывает оружие массового уничтожения, если политики у власти считают это целесообразным? Вот здесь мы выходим на парадоксы логического определения, ведь если какая-то страна хоть слегка ослабит свою обороноспособность, этим сразу воспользуются ее близкие и далекие соседи.

Паранаука — это учение о паранормальных явлениях, которые имеют определенную феноменологию и статистику, но официальной наукой не признаются. При этом известно, что спецслужбы многих, если только не всех, стран в сверхзасекреченных лабораториях усиленно занимаются разработкой этой тематики.

Протонаука — это информационный комплекс, который по разным признакам еще не может считаться полноценной наукой, но который может стать ею в результате развития.

Перинаука — это совокупность явлений вокруг науки и в связи с наукой, которые касаются науки и могут иметь определенное влияние на нее.

Официальная наука — государственно финансируемое организованное сообщество ученых с авторитарной иерархией, выполняющее заказы государственных учреждений.

Будем различать также понятие науки и технологии. Наука, прежде всего, является теоретико-экспериментальной деятельностью, направленной на поиск законов природы и общества, а технология — это практическое использование законов природы и общества с целью достижения конкретных результатов. Ученый может быть технологом и наоборот, но эффективный технолог может использовать методы, далекие от науки, например, ложь, ма-

нипуляцию и интригу, и делать это на научной основе. Это значит, что он может пользоваться научными знаниями из психологии о том, как нужно лгать, чтобы тебе поверили. Разве не так работают политтехнологи?

Четыреста лет становления нормальной науки показали, что ученым присущи не только достоинства, но все недостатки «обычных» людей: лживость, злоба, ненависть, зависть, тупость, жадность, подлость, интриганство и далее по списку.

Известный историк и теоретик науки П. Фейерабенд в своих работах критикует [24] понимание науки как чего-то, где существенным является представление о методах, как особых и характерных для нее действий. Он считал, что ценность науки довольно относительна и в современном мире ничем не отличается от других репрессивных социальных институтов, например, государства или церкви. Для демократического общества, согласно П. Фейерабенду, „наука, ограничивающая свободу его членов, является серьезной угрозой» [24]. Большое количество людей использует науку только как способ зарабатывать деньги.

В противоречии с вышеприведенным определением науки, можно утверждать, что накопленные человечеством знания вовсе не используются для оптимального приспособления к окружающей среде, о чем красноречиво свидетельствуют войны и экологическая деградация. В то же время наука не гарантирует того, что она все проблемы решает правильно, и, прежде всего, она не в состоянии решить текущие социальные проблемы, не говоря уже о том, что у разных представителей науки по одному и тому же вопросу могут быть разные и даже несовместимые взгляды. Поэтому, в определенном смысле, можно сказать, что многое в чем наука разочаровала человечество, и оно уже не полагается на нее так, как это было даже сто лет назад. [14]

Если принять аксиому об индивидуальной деятельности человека, как мотивируемой личными интересами, то многие негативные явления в науке становятся научно понятными. Как только риски подпасть под общественную репрессию становятся меньшими по сравнению с размером прибыли, сразу же этические принципы поддаются внутреннему и внешнему субъективному давлению и вероятность отклонения от нормативных пределов может значительно повыситься. В науке это приводит к переходу деятельности ученого из зоны нормальной науки в зону псевдо, квази, анти и лженуки, и, понятно, что официальная наука от этого никак не застрахована.

Проблема противостояния нормальной науки и разных форм ее искажений всегда существовала, но в разные времена и по разным обстоятельствам имела разные акценты. В первые времена становления нормальной науки наибольший акцент приходился на противостояние религиозной догматике. По этому поводу заметим, что религия с самого начала выбрала неверную тональность в отношении к науке, в чем, безусловно, доминирующее значение имел человеческий фактор как заинтересованность конкретных лиц в том, чтобы *status quo* всегда было в их пользу. Поэтому ученые всегда могут сказать, что церковники „начали первыми“. Но проблема так и осталась. Религия и наука — это две сферы социального сознания. У них разные предметы, разные методы, а вот их функции многое в чем совпадают. Религия занимается Высшим, то есть духовностью, и, наверное, все еще не достижимым для науки — поскольку нет соответствующих устройств для детекции этого Высшего, а наука, в своей нормальной ипостаси, занимается постепенным овладением веществом и энергией. Однако в своей самоуверенности наука отрицает Главные Объекты религии. Религия использует веру и эмоциональное отношение людей к Миру как свой главный метод, а для науки таким инструментом является эксперимент и логика. Но каждая из этих сфер превышает собственную компетентность, когда начинает претендовать на контроль за сознанием человека. А ведь на это претендует любая власть. Но если наука и религия отказываются от репрессивной функции, тогда им нечего делить и взаимопонимания можно будет достичь достаточно быстро.

Все же можно надеяться, что рано или поздно взаимопонимание между религией и наукой будет найдено, поскольку, во-первых, каждая с них несет определенную истину людям, а, во-вторых, существует в том же самом мире, который, по мере своих возможностей,

и отображает в собственных кодах. С научной точки зрения существование Бога не доказано и может рассматриваться только как гипотеза, но наука не доказала и того, что Бога нет, а потому то, что Он не существует, с научной точки зрения тоже только гипотеза.

Как некоторые физики относятся к идее Бога, можно понять по позиции А. В Бородулина [2]: «... физика по ряду причин не может ни доказать, ни опровергнуть идею Бога: она даже в своих философских основаниях не ставит себе таких целей»

– Вопрос «Существует ли бог?» не имеет смысла и, следовательно, не нуждается в содержательном ответе.

– Слова авторитетных ученых не могут служить аргументом ни в пользу гипотезы Бога, ни против нее». Такую позицию можно охарактеризовать как нейтральную. Разумеется, подобные утверждения имеют статус принимаемых на веру аксиом.

Но возможна еще одна гипотеза, к которой наука давно уже подошла, но никак не может продвинуться вперед в ее доказательстве или опровержении. Это гипотеза о первичном мировом субстрате (ПМС), который мог бы лежать в основе Вселенной. Первым об этом начал, в философском плане, говорить Б. Спиноза, но ученые в полной мере его идеи не усвоили, поскольку даже понятие такого субстрата не является простым. Идея такого субстрата, без использования этого термина, формулировалась еще древнейшими философами. Кто-то из них считал, что в основе всего лежит вода, кто — воздух, кто — огонь, кто атомы и тому подобное. С точки зрения современной науки мы понимаем, что это сильно упрощенные понятия, поскольку такой субстрат должен быть чем-то, из чего состоит все что угодно. И не только, например, элементарные частицы, из которых состоят атомы, а уже из атомов — все другие материальные объекты. Из этого субстрата должны формироваться и все энергетические поля — прежде всего те, которые уже открыты физиками, то есть электромагнитные, гравитационное и поля сильного и слабого взаимодействия, а также те, которые еще не открыты наукой, но ученым сейчас даже тяжело вообразить, что у разных полей может быть единая основа. А ведь научная интуиция совсем не противоречит этому. Есть физики, которые на роль основы всего предлагали так и не открытый эфир, физический вакуум, торсионные поля и, может быть, наиболее фундаментальное из полей, поле инерции (Шипов), но консенсуса в этом вопросе все еще нет, а открытие перечисленных полей отмечено как относящееся к лженауке. А вот идея остается. Более того, несколько физиков пытались создать единую теорию поля. То есть они считали, что существует единое поле, частными случаями которого являются известные физике поля. К сожалению, предъявление этой идеи некоторыми физиками (Шипов, Акимов и другие) слишком отклоняется от логических и методологических стандартов научности.

Без всякого ограничения научного поиска можно эту идею предельно конкретизировать. Субстрат Вселенной должен быть реальным, а не идеальным, но было бы неверно говорить о нем, как о материальном, поскольку материя, то есть «грубый» материал, из которого состоят вещи, сама должна возникать из этого субстрата. Теперь уже трудно сомневаться в том, что материя «сделана» из энергии, то есть энергия является материей материи. Материя — это «всего лишь» остановленная энергия, о чем, по-видимому, и говорит знаменитое «е-эмцэ-квадрат». Обязательно нужно предположить, что ПМС способен квантоваться, и это не противоречит современным представлениям о свойствах полей. Для этого подошло бы какое-то «тонкое» или «сверхтонкое» энергетическое поле. Кажется, что именно такое поле физики и ищут, и этому не противоречат современные физические представления. Но этого недостаточно. Принципиальной составной частью гипотезы ПМС должно быть предположение о том, что ему присуще сознание. Против этого, из идеологических соображений, могут быть философы и политики, а физики не „имеют на это права“, поскольку, по определению, они не компетентны в вопросах сознания, хотя, конечно, могут иметь по этому поводу собственное мнение. Философы тоже здесь некомпетентны, поскольку дело здесь не в том, что кто-то что-то о чем-то думает, а в реальном факте. Поскольку, если ПМС имеет такое свойство, может быть, наряду со многими другими, то он его имеет, и никакой философ, ученый или политик не имеют права возражать против этого, хотя и мо-

гут. Если мы допускаем возможность того, что ПМС имеет такое свойство, как сознание, то сразу отпадают такие «вечные» проблемы, как дуализм и возникновение сознания в результате эволюции. Сознание имелось у ПМС с самого начала и лишь по-разному проявляло себя во все более усложняющихся материально-энерго-информационных конгломератах.

Сейчас в науке есть инстанции, на уровне официальных академиков-физиков, которые отрицают существование биоэнергетики, сводя ее к известным им полям и феноменам, но такая позиция не является корректной, поскольку это нужно доказывать научными методами, а не ссылаться на собственное мнение. Таких доказательств сейчас нет, а множество людей-нефизиков работают с чем-то, что они считают биоэнергетическими феноменами. Понятно, что среди этих людей может быть множество мошенников и просто малограмотных энтузиастов, но есть же там и настоящие экстрасенсы. И если физики докажут существование биоэнергетических полей и существование ПМС, а психологи докажут, что этот субстрат обладает сознанием, то позиции церкви и науки будут значительно сближены, но все же не тождественны. И если наука когда-то верифицирует гипотезу о ПМС, это совсем не будет значить, что наука должна на веру принять все другие религиозные утверждения. Например, то, что Мир был создан за шесть дней, поскольку никто не вправе говорить от имени Бога. В то же время вера в то, что Бог существует как высший фактор, который обеспечивает существование Мира, не нуждается в принятии той или другой религиозной схемы объяснения возникновения и существования Мира. А таких схем, кстати, довольно много, и многие из них ведут с другими непримиримую борьбу. Все конкретные подробности устройства Мира должна исследовать наука при помощи научных методов.

Другим аспектом противопоставления научных и перинаучных процессов является наличие социальных механизмов, которые порождают псевдо, квази и лженаку. Этим механизмам можно противостоять только, если построить их научную теорию. Сейчас такой теории нет, а потому даже авторитетные высказывания на эту тему академиков, занимающих высокие должности, остаются их личным мнением, поскольку не дают инструментов решения этих проблем. Академики могут даже не знать, какие коррупционные схемы разворачиваются в их окружении и что они сами могут быть объектами оклонакучной интриги, а о некоторых академиках ходят слухи, и это тоже может быть элементом интриги, что они занимают свои должности не за свои научные достижения, а в результате коррупционных схем. Если это так, то сложность перинаучных процессов становится еще большей, и без научного подхода здесь не обойтись.

Эмпирическое наблюдение за современными процессами в науке и вокруг нее дает основания указать на следующие факты.

1. Существуют реальные научные разработки и реальные научные достижения.
2. Существует хорошо «крышованная» квазинаучная деятельность, за которую кто-то получает большие деньги.
3. Существуют шарлатаны-лжеученые, которые пользуются элементами демократии в обществе для того, чтобы при помощи псевдонаучной терминологии и риторики обманывать потребителей и зарабатывать на этом незаслуженные сверхприбыли.
4. Существуют направления научных разработок — эффективные и перспективные — которые официальной наукой не признаются и клеймятся как лженакучные. Кому это выгодно? Когда-то политизированные ученые делали это с генетикой и кибернетикой, а сейчас это делается с биоэнергетикой и другими протонаучными направлениями. То, что биоэнергетику эксплуатируют мошенники и проходимцы, совсем не свидетельствует, что за нею нет никакой реальности, и почему бы ученым наконец не повернуться к ней лицом.
5. Существует сложная коррумпированная система, которая объединяет официальную науку, бюрократический аппарат и уголовные структуры, что дает возможность распределить государственные деньги в собственных интересах и зарабатывать на торговле научными должностями и званиями. Понятно, это не свидетельствует об отсутствии честных ученых и честных научных разработок.

6. Не существует эффективных социальных механизмов, которые бы давали возможность отличать „честные» и „ложные» направления разработок, которые подаются или выглядят как научные.

К последней категории относятся, например, поиски и разработки в сфере генной инженерии, разработка новых лекарств, новых методов лечения, новейшие устройства поддержания и восстановления здоровья, инновационные схемы бытового оборудования, фундаментальные теоретические разработки, которые могут стать основой новых промышленных технологий и военного оружия. Так, если бы оправдались „торсионные» обещания Шипова, то коренным образом изменились бы транспорт, связь, виды оружия и теоретические объяснения существования Вселенной. Среди академиков установилось мнение, что Шипов не только допустил ошибку, но что он сознательно вводил людей в заблуждение, то есть действовал как мошенник, проходимец и шарлатан.

Поскольку никто из академиков за свои ошибки никогда не отвечал (вспомним Чернобыль), то в связи с „феноменом Шипова» можно поставить несколько наивных вопросов:

- 1) Действительно ли Шипов действовал как мошенник?
- 2) Может быть, это был научный поиск?
- 3) Имел Шипов право на научный поиск, и каковы допустимые пределы такого поиска?
- 4) Является ли Шипов вообще ученым и, конкретно, физиком?
- 5) Есть в его результатах хотя бы зерно истины?
- 6) А может быть, все-таки торсионные поля существуют, а академики „закрыли» эту тему, как когда-то закрывали генетику и кибернетику — в порядке борьбы с конкурентами?
- 7) Если такая нечестная конкуренция существует, то как же быть с научной истиной — или можно поступаться одной частью истины в пользу другой?
- 8) Допустимо ли в науке действие закона силы — кто сильнее, кто имеет большее влияние, тот может назначать, что является истиной?
- 9) Существует ли научная мафия?

Чтобы ответить на последний вопрос, одного подозрения, в соответствии с презумпцией невиновности, не достаточно — необходимо детективное расследование и прокурорское дознание. Понятно, что, наблюдая современные социальные процессы, трудно поверить в беспристрастность, непредвзятость и объективность следственных и судебных процедур, а потому рассчитывать на „честный» ответ здесь было бы наивно.

Конечно, имя Шипова выше использовано как шаблон, на место которого можно подставить много других. Возьмем, например Грабового. Его осудили, и он сидит в тюрьме за мошенничество — его преступление доказано следствием и подтверждено судьями. Но разве же можно сказать, что за его «учением» нет ничего объективного? Пусть даже обещания и конкретные действия по оживлению родственников тех клиентов, которые обращались к нему, были обманом. Нормальному ученому трудно поверить даже гипотетически в такие возможности, да и вера здесь не при чем — необходимо экспериментальное подтверждение. Но ведь Грабовой вылечил много людей и заработал на этом большие деньги, и это же не теория, а реальный факт. Пусть официальные врачи-ученые считают его, своего конкурента, проходимцем, но ведь люди знают, что они благодаря Грабовому избавились от своих болезней. И, с другой стороны, сейчас уже существует большая статистика, когда ученые врачи непрофессиональными действиями причиняли своим клиентам большой вред, и далеко не все из этих врачей попали в тюрьмы, поскольку сработала коллегиальная „солидарность». А где же научная истина? Очевидно, что там, где присутствуют человеческие интересы, там истина теряет свой приоритет, а проблема из научной превращается в социальную и коммерческую. А где же наука, которая может решить современные социальные проблемы? И где же те ученые, которые занимаются социальными проблемами? Почему они не решают этих проблем? Разве же им мало платят? А может, им платят совсем не за это?

С точки зрения официальной науки парапауку, то есть множество сведений о мистических явлениях, которые случаются с некоторыми людьми и окружающей средой, но оста-

ются за пределами прямого восприятия ученых, вообще нужно отнести к лженауке. И это несмотря на то, что эти загадочные для ученых явления имеют большую мировую статистику и относятся к интегральному опыту человечества. Но есть ученые, настолько уверенные в своей правоте по отношению к парапауке, что считают нормальным употреблять по отношению к ней экстремальную лексику. Так, академик Э. Кругляков [9] цитирует фрагмент из статьи другого академика Международной академии информатизации Л. Н. Мельникова: „*Любой биоэнергетик знает о биопатогенных зонах. Это узлы пересечения силовых магнитных линий Земли. Если ваша кровать находится на месте такого узла, то у вас будет беспокойной сон, повышенная раздражительность и даже болезни. Но достаточно положить под кровать, на место сечения линий, зеркало передней стороной вниз, и пучки отрицательной энергии разобьются и уйдут прочь*», а потом без всяких дополнительных объяснений говорит: „*Неужели эти бессовестные „культуртрегеры“ держат народ за полных идиотов, если стараются проповедовать ему подобную ахинею?*» То, что академик Кругляков не допускает существования биопатогенных зон и считает невозможным, чтобы зеркало было способно их нейтрализовать, это его личные дела, но, с научной точки зрения, эту тему относительно легко верифицировать или фальсифицировать, и если зеркала, подложенные под кровать, будут помогать больным людям, то, независимо от отношения к этому научных инстанций и отсутствию теоретических объяснений, этот метод имеет право на существование, и нет никакой пользы в том, чтобы ругать его и тех, кто его использует. Конечно, академик, в силу ограниченности кругозора, может не знать, например, что церкви всегда строились на местах, где присутствует специфическая энергия, так и не идентифицированная физиками. Это как раз тот случай, когда люди знают, а ученые — нет.

Из существующей литературы иногда можно сделать вывод, что наука считает себя рациональной, по крайней мере, некоторые ее адепты придерживаются этого и пропагандируют эту идею. Однако это недоразумение, основанное на отсутствии адекватной разработки темы рациональности-иррациональности. Эти предикаты, как это следует из работ К. Г. Юнга и получило дальнейшее развитие в соционике, открытой Аушвой Аугустиновичью [1] и активно разрабатываемой ее последователями, указывают на первичное отношение субъекта познания и входят в формулу психического типа этого субъекта. С этой точки зрения можно говорить о первично рациональных и иррациональных субъектах, в чем нет никакой дискриминации, поскольку каждый из них имеет свою социальную сферу полноценного существования. И наука как обобщенный субъект познания с психологической точки зрения относится к интуитивно-логической экстраверсии (ИЛЭ), а это связывает науку с предикатом иррациональности, что может стать неожиданностью для тех, кто считает науку чем-то полностью рациональным. Это, кстати, частично объясняет суть многих аналогичных процессов, которые можно наблюдать в науке как социальном институте.

Выводы

1. В науке и возле нее происходит ряд процессов, которые отдельными субъектами науки воспринимаются как негативные и экстремальные, что составляет одну из частей системного кризиса в науке.
2. Сейчас в мире отсутствует полноценная теория и соответствующая ей технология руководства научными процессами, что дает мало шансов на скорое преодоление в науке ее системного кризиса.

Л и т е р а т у р а :

1. Аугустиновичют А. Соционика. — СПб., 1998.
2. Бородулин А. В. Торсионная лженаука — методологический анализ книги Тихоплав Т. С. и Тихоплав В. Б. «Физика веры». — 2001.
3. Гайденко П. П. Эволюция понятия науки (ХУП-ХУШ вв.), М., 1987.
4. Гинзбург В. Л. Вера в Бога несовместима с научным мышлением // Поиск. — 1998. — № 29-30.

5. Добров А. Наука о науке. — М., 1966.
6. Калиниченко В. В. Онтологические основания научного познания // Проблема онтологии в современной буржуазной философии. — Рига, 1988.
7. Киви Берд. Книга о странном. // Домашний компьютер. — 2003. — № 4.
8. Кримський С. Б. Запити філософських смыслів. — К., 2003.
9. Кругляков Э. П. Почему опасна лженаука. // Наука и жизнь. — 2001. — № 1. — С. 33.
10. Кругляков Э. П. «Новое» в экологии. — Новосибирск.
11. Кун Т. Структура научных революций. — М., 1977.
12. Ладенко И. С. Содержание соционики и ее роль в развитии современной техники//В сб. Методология и история техники (Сборник научных трудов). — Новосибирск: СО АН СССР, Институт истории, филологии и философии, 1988.
13. Лакатос И. Рациональная реконструкция истории науки. — М., 1998.
14. Лук'янець В. С, Кравченко О. М., Озадовська Л. В. Сучасний науковий дискурс, Оновлення методологічної культури. Монографія. — К., 2000. — 304 с.
15. Митрохин Л. Н. Научное знание и религия на рубеже XXI века.
16. Наука и ее место в культуре. Сборник трудов. / Ред. Кочергин А. Н. — Н-С, 1990.
17. Никифоров А. Л. Философия науки: история и методология. — М., 1998.
18. Поппер К. Открытое общество. — М., 1996.
19. Проблема онтологии в современной буржуазной философии. — Рига, 1988.
20. Рациональная реконструкция истории науки. Сборник. — Благовещенск, 1998.
21. Резолюция международного симпозиума «Наука, антинаука и парапротивные верования». — М., 3- 5 октября 2001 г.
22. Степин В. С. Лженаука. — интервью в Интернете. E-mail:ifran@sovamsu.ias.msk.su.
23. Тулмин С. Человеческое понимание. // Проблема онтологии в современной буржуазной философии. — Рига, 1988.
24. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. — М., 1978.
25. Филатов В. П. Заблуждающийся Разум? Многообразие вненаучного знания. — М.: Политиздат, 1990.
26. Чурюмов С. И. Улыбка Чеширского Кота или возможное и невозможное в Соционике: проблемы, гипотезы, решения. — Дрогобыч: Измерение, 2007.